

Ци Юань потерял всякий интерес к еде — его внимание было бесконечно далеко от праздничного стола.

Заметил ли это Цинь Шу или просто действовал по наитию, но он то и дело заботливо подкладывал партнёру лучшие кусочки. Ци Юаня же терзали смутные сомнения и путанные мысли; он даже не решался встретиться с художником взглядом.

Заметив, что актёр съел порцию риса и перестал есть, Цинь Шу негромко спросил:

— Наелся?

Ци Юань лишь безмолвно кивнул.

— Раз так, иди в душ.

Ци Юань вскинул взгляд. Лицо художника оставалось бесстрастным, но в глубине его глаз мелькнуло нечто такое, отчего у актёра перехватило дыхание. Он резко вскочил со стула:

— Я... я пойду. Пойду помоюсь.

Цинь Шу проводил его взглядом до лестницы и, как только фигура актёра скрылась наверху, тихо рассмеялся.

Впервые за всё время он опубликовал статус в «Ланьмао». Короткая фраза гласила: «Сегодня день, который стоит запомнить».

После этого он, словно образцовый хозяин дома, неспешно вымыл посуду и прибрал кухню. Когда он поднялся на второй этаж, внизу всё сияло безупречной чистотой.

В ванной шумела вода, мелкие брызги летели во все стороны. Вдруг Ци Юань замер.

Хотя он не слышал шагов, интуиция подсказывала: Цинь Шу уже здесь, в спальне. Актёр наспех ополоснулся, кое-как вытерся полотенцем и, запахнув халат, толкнул дверь.

В комнате слышался шорох ткани. Цинь Шу перестилал постель.

В отличие от уютного интерьера других комнат, спальня была оформлена в смелых, почти вызывающих тонах. Для места, предназначенного для отдыха, такая кричащая палитра казалась неуместной. Тёплые оттенки обычно дарят покой и настраивают на сон, но Ци Юань осознанно выбрал иной путь. Для чего?

Цинь Шу догадывался о причинах. Если Ци Юаню нужно чувство безопасности, он окружит его им сполна. Если тот жаждет тепла — он превратит их жизнь в тихую гавань.

Закончив с постелью, Цинь Шу обернулся и посмотрел на мокрые пряди волос актёра:

— Опять не вытерся насухо.

На улице уже стояла жара, и кондиционер в комнате работал на полную мощность. Опасаясь, что Ци Юань простудится, художник подошёл к прикроватной тумбочке — по привычке актёра фен должен был лежать именно там.

— Стой, не надо!

Ци Юань не успел. Ящик уже выдвинулся.

Цинь Шу, не меняясь в лице, достал фен и с невозмутимым видом закрыл тумбочку, лишь слегка качнув прибором в руке.

Ци Юань во все глаза следил за его реакцией, гадая: заметил ли? Он спрятал «это» в самый дальний угол, не должен был увидеть... Вот только зрение у Цинь Шу было пугающе острым. Если другие чего-то не замечали, это не значило, что и он пропустит.

Терзаясь сомнениями, Ци Юань присел на край кровати. Тёплые пальцы художника, перебиравшие его волосы, действовали усыпляюще. Раньше, на съёмочной площадке, он пару раз засыпал во время такой процедуры.

Но сегодня ожидание грядущего вытеснило всякую сонливость, заставляя сердце биться чаще, а мысли — путаться в догадках.

Волосы у Ци Юаня были короткими, и Цинь Шу быстро закончил. Заметив, что партнёр витает где-то в облаках, он негромко предупредил его и направился в ванную.

Только когда за закрытой дверью зашумела вода, Ци Юань пришёл в себя, и его воображение тут же пустилось вскачь.

Когда Цинь Шу вернулся в комнату, он увидел, что щёки актёра пылают. В мягком свете ламп тот выглядел невероятно соблазнительным.

Художник не стал противиться внутреннему порыву. Подойдя к кровати, он оперся руками по обе стороны от Ци Юаня и накрыл его губы своими.

Актёр, чуть запрокинув голову, ответил на поцелуй. Поддаваясь мягкому давлению, он вынужден был опереться ладонями о матрас за спиной, пока, наконец, не оказался поваленным на постель.

Чувства были взаимны, и всё шло своим чередом. Но когда Цинь Шу вдруг достал «нечто» из-под подушки, мысли в голове Ци Юаня окончательно спутались.

— Это... я купил? — хрипло и растерянно спросил он, тут же вспыхнув от неловкости.

В глазах Цинь Шу заплясали искорки смеха. Поразительно: человек с внешностью искущённого сердцееда на деле оказался на редкость целомудренным.

— Это купил я, — отозвался художник таким будничным тоном, будто речь шла о покупке пучка зелени. Ци Юань не понимал, как можно сохранять подобное хладнокровие, и эта рассудительность в такой момент даже немного задела его за живое.

Он во что бы то ни стало решил увлечь этого человека за собой в пучину страсти. Посмотрим, останется ли он таким же спокойным через мгновение.

За окном прогремел гром, и вскоре на город обрушился ливень, с силой барабана по стеклу. Неистовая буря настигла мир, подчиняя себе каждый уголок. В эту душную летнюю ночь началась их собственная симфония жизни.

Дикие грибы, пользуясь живительной влагой, радостно разбрасывали споры. Те искали самую плодородную почву, стремясь слиться с влажной землёй, пустить корни и прорасти... но не знали, что эта земля, хоть и не была бесплодной, была заранее обработана «гербицидом». В итоге им оставалось лишь беспомощно наблюдать, как их уносит потоками воды.

Гроза была яростной, но короткой. Тьма отступила, уступая место новому дню. Цветы и травы, напоённые дождём, хоть и сохранили следы ночной бури, выглядели ещё более живыми и яркими.

В комнате стало прохладно — кондиционер давно отключили. Одна из створок окна была приоткрыта, и лёгкий ветерок шевелил край занавески, пропуская в спальню дерзкие солнечные лучи.

Ци Юань чувствовал во всём теле приятную истому и расслабленность, характерную для утра после бурной ночи. Разум его поначалу был пуст, но спустя минуту воспоминания о пережитом начали медленно возвращаться. В тишине комнаты раздался его хриплый смешок.

Они действительно сделали это!

За все свои двадцать четыре года Ци Юань впервые ощущал такую полноту жизни. Цинь Шу не просто утолил его жажду — он заполнил собой каждую пустоту в его душе.

И от этого Ци Юань стал ещё более... жадным.

Он наблюдал за пылинками, танцующими в лучах света. Их было не сосчитать, но в этом хаосе угадывался свой порядок.

Разум, действуя помимо воли, начал скрупулёзно восстанавливать детали вчерашнего вечера, не упуская ни единой мелочи.

Постепенно улыбка сошла с лица Ци Юаня. Он достал телефон и принялся листать список контактов, пока его палец не замер на одном имени.

Бросив взгляд на закрытую дверь спальни, он набрал номер. После нескольких гудков на том конце ответили.

— О, неужто сам киноимператор вспомнил о скромном друге? Что стряслось? — раздался голос Хана, известного своей любовью к ярким рубашкам.

— Нужно проверить одного человека.

— Кого именно?

Ци Юань помедлил, и собеседник, кажется, что-то заподозрил:

— Того самого художника?

— В оплате не обижу.

— Ты что, решил раскопать его любовный список?

— Проверь всё. Досконально, — отрезал Ци Юань.

Друг, знавший его как облупленного, усмехнулся:

— Не поздновато ли ты спохватился?

Ци Юань следил взглядом за парящей в воздухе пылинкой:

— Сказал — проверяй, значит, проверяй. К чему лишние слова?

— Слушай мой совет: завязывай с этим. Что ты будешь делать, если что-то найдёшь? Расстанешься с ним теперь, когда о вас все трубят? В наше время пара-тройка интрижек в прошлом — это норма. Тем более у людей искусства... Они ради «вдохновения» на что только не идут, там такие игры бывают — закачаешься. Послушай старика: иногда лучше оставаться в неведении. Тебе же сейчас хорошо, разве нет?

Хан распинался ещё долго, пока не заметил, что связь прервалась. Он лишь цыкнул, покачав головой: «Ну и упрямец».

Ци Юань медленно выдохнул. Глядя на пылинку, которая вот-вот должна была вылететь в окно, он резко захлопнул створку.

«Цинь Шу, не разочаруй меня».

Накинув пижаму, Ци Юань босиком спустился на кухню.

Цинь Шу как раз закончил с завтраком. Заметив актёра, он улыбнулся:

— Как раз вовремя. Проголодался? Садись есть.

Ци Юань посмотрел на мягкую подушечку, заботливо подложенную на его стул, затем — на сервированный стол. Подозрения в его душе, подобно сорнякам, разрастались всё сильнее, и никакие усилия не могли остановить этот рост.

Цинь Шу снял фартук и присел рядом, принимаясь чистить яйцо для партнёра. Положив его на тарелку Ци Юаню, он краем глаза заметил выражение его лица и на миг замер.

«Неужели это всё-таки случилось? Что же мне сделать, чтобы он наконец успокоился?»

Художник старался быть ещё более внимательным, но чувствовал: Ци Юаня что-то гложет.

Цинь Шу лихорадочно вспоминал советы из книг по психологии. Сексуальная неудовлетворённость была главной причиной разводов в современном мире.

«Неужели он разочарован моим вчерашним... выступлением?»

Сам Цинь Шу считал, что всё прошло вполне удачно. Реакция Ци Юаня вовсе не походила на притворство или недовольство. Почему же тогда он так мрачен?

Художнику и в голову не могло прийти, что именно их чрезмерная гармония в постели стала поводом для подозрений.

Знай он об этом, он бы лишь развёл руками. Имея за плечами опыт нескольких жизней, он физически не мог изобразить из себя неопытного новичка — по крайней мере так, чтобы в это поверил профессиональный актёр.

Ци Юань и без того был натурой чувствительной. Стоило Цинь Шу хоть немного переиграть — и подозрения переросли бы в уверенность.

Завтрак казался Ци Юаню безвкусным. Даже молоко, обычно сладкое, сегодня отдавало каким-то странным привкусом.

Он то и дело украдкой поглядывал на Цинь Шу. Тот даже за обычным завтраком сидел с безупречной осанкой, воплощая собой элегантность и благородство. Совсем не то что он — человек, в чьих жилах до сих пор бурлила кровь деревенского мальчишки, готового драться за кусок хлеба.

Что такой человек, как Цинь Шу, мог найти в нём?

Ци Юань метался между крайностями — от безмерного самомнения до глубокой неуверенности.

Цинь Шу, сидевший рядом, то и дело замечал, как цифры на «барометре настроения» актёра взлетают до небес, чтобы в следующее мгновение рухнуть в бездну.

Художник был в замешательстве. Если бы не барометр, он бы и не догадался о буре в душе партнёра — внешне Ци Юань держался почти как обычно. Но видя, как показатели скачут вверх-вниз, Цинь Шу и сам начал нешуточно тревожиться.

Раньше пара нежных жестов всегда возвращала Ци Юаню улыбку, но сегодня это не помогало. Художник не знал, что и предпринять.

Наконец «молчаливый кувшин» заговорил:

— Юань-эр, тебя что-то расстроило?

Ци Юань открыл было рот, собираясь спросить прямо, но, увидев в глазах Цинь Шу искреннюю тревогу и нежность, вдруг всё понял. Неважно, кто был у Цинь Шу в прошлом. Теперь он

принадлежит только ему. Такого человека он не отдаст никому и никогда.

О чём он вообще думал минуту назад?

Он — Ци Юань. Он всегда получает то, что хочет, и он приложит все силы, чтобы защитить своё счастье.

От этой мысли его глаза вновь засияли:

— Всё в порядке. Я очень счастлив, Цинь Шу.

Художник окончательно запутался, но, видя, что настроение партнёра выровнялось, немного успокоился.

Любой мужчина на его месте, обнаружив после первой ночи свою «жену» в глубокой депрессии, начал бы сомневаться в собственных силах. Цинь Шу в этом плане ничем не отличался от остальных.

Закончив с завтраком, художник собрался было убрать со стола, но Ци Юань удержал его.

Не успел Цинь Шу и слова сказать, как его губы оказались в плену. На этот раз актёр отбросил всякую скромность, став пугающе настойчивым и страстным. Цинь Шу не был святым — он мгновенно отозвался на этот призыв, и вскоре ситуация вышла из-под контроля.

Последующие часы слились в неразличимый поток. Цинь Шу на собственном опыте познал, что такое «любовь до беспамятства». Ци Юань вёл себя так, словно голодал неделю: никакие доводы и просьбы на него не действовали. В конце концов художнику пришлось проявить твердость и преподать партнёру хороший урок.

«Воды» оказалось слишком много, и Ци Юань наконец сдался.

Глядя на затихшего в центре кровати актёра, Цинь Шу отер капельки пота со лба.

Спустя несколько дней Ци Юаню позвонили:

— Всё отправил на почту. Не забудь перевести деньги.

Собеседник зевнул и отключился. Лежа на диване, Хан думал о том, что этому безумцу Ци Юаню чертовски везёт — встретить в жизни такую «судьбу» дано не каждому.

Ци Юань открыл почту. Увидев письмо в папке «Входящие», он замер, не решаясь коснуться экрана. Лишь спустя долгую минуту он собрался с духом и открыл файл.

В документе были собраны все сведения о Цинь Шу с самого детства. Глядя на фотографии, Ци Юань видел, как мальчик постепенно превращался в мужчину, сохраняя одни и те же черты лица — сходство было почти нереальным.

Актёр быстро пролистал страницы, и когда он дошёл до раздела о личной жизни, который оказался чист, как лист белой бумаги, его подозрения окончательно рассеялись.

И всё же... в глубине души осталось странное чувство — едва уловимое ощущение какой-то дисгармонии.

<http://bllate.org/book/16121/1591116>